

К читателю

Для того чтобы мир Древнего Рима стал более понятным, в книгу включены карты и иллюстрации. В конце романа вы найдете глоссарий, в котором дано объяснение незнакомых слов и понятий, приведены современные названия географических объектов, упомянутых в книге, и словарь латинских терминов.

Список карт и иллюстраций

Карты

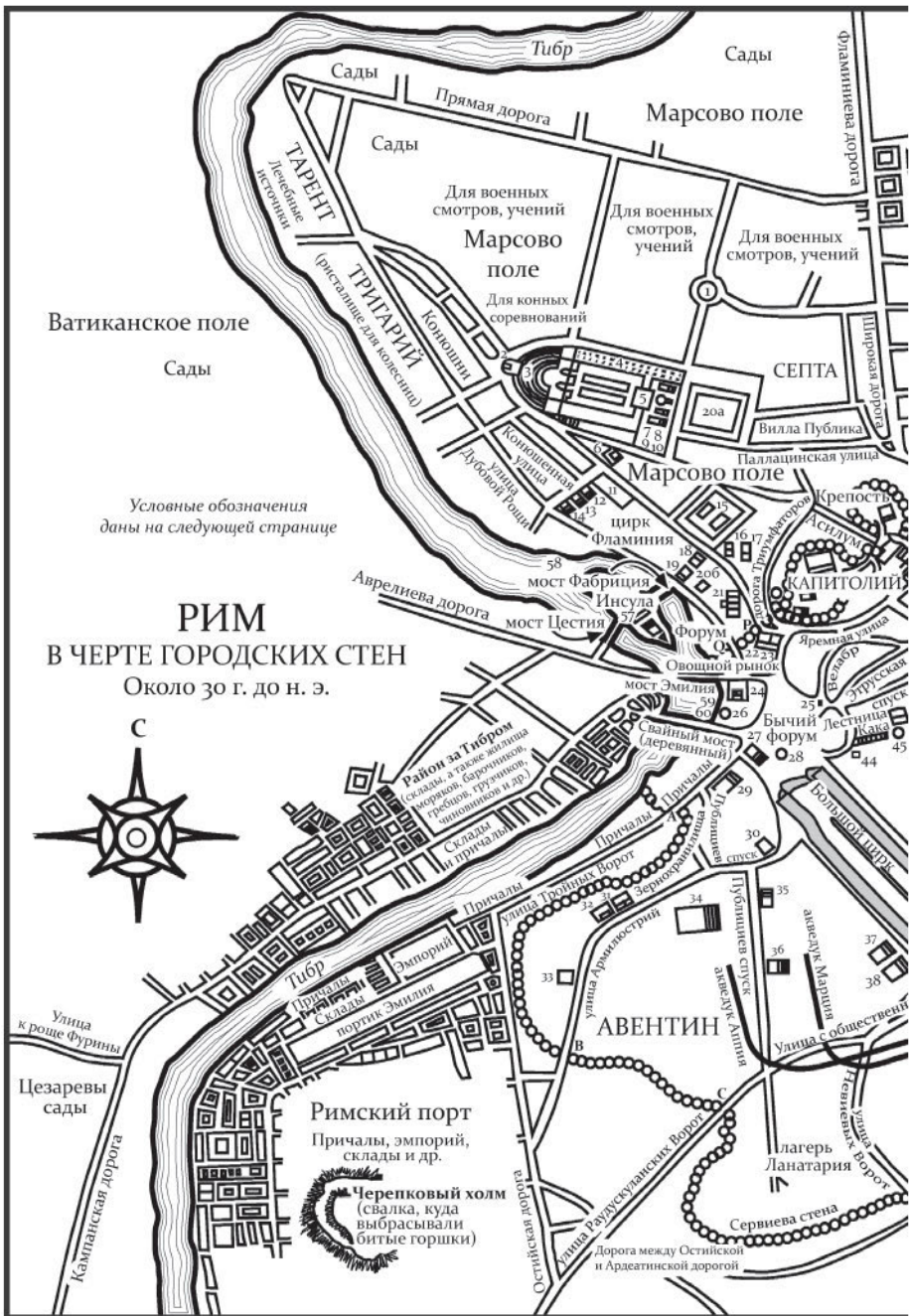
Романский мир	8
Рим в черте городских стен	10
Центр Рима	14
Африка	272
Косматая Галлия и Римская провинция	338
Африка и Средиземноморье во времена Гая Мария	360
Регионы Италии	513
Путь германцев	636
Вторжение германцев в Италию	646

Иллюстрации

Гай Марий	18
Луций Корнелий Сулла	22
Гай Юлий Цезарь	184
Квинт Цецилий Метелл Нумидийский	250
Квинт Серторий	308
Публий Рутилий Руф	346
Аврелия	384
Инсула Аврелии	430
Дом Марка Ливия Друза	441
Квинт Лутаций Катул Цезарь	518
Марк Эмилий Скавр	724
Римские магистраты	902
Обеденные покои Цезаря	937

Ватиканское поле

Сады

Условные обозначения
даны на следующей странице

РИМ

В ЧЕРТЕ ГОРОДСКИХ СТЕН

Около 30 г. до н. э.

Улица
к роше Фурины

Цезаревы
сады

Кампанская дорога

Римский порт
Причалы, эмпорий,
склады и др.

Черепковый холм
(свалка, куда
выбрасывали
битые горшки)

Тибр

Сады

Марсово поле

Сады
Прямая дорога

Сады

ТАРЕНТ
Лесовидное
источники

ТРИГАРИЙ
(рыскальщик для колесниц)

Колошши

Для военных
смотров, учений

Марсово
поле

Для военных
смотров, учений

Для военных
смотров, учений

Для конных
соревнований

20а

Палладийская улица

Марсово поле

цирк
Фламения

мост Фабриция

Инсугла

мост Цестия

Аврелиева дорога

Формум

мост Эмилия

Свайный мост
(деревянный)

Причалы

Улица Гройных Ворот

Причалы

Улица Армавстрий

Улица Равдукуланские Ворот

Остийская дорога

Улица

Улица

Улица

Улица

Улица

Улица

Улица

Крепость

АСИДУМ

КАПИТОЛИЙ

Ярменная улица

Вестибул

ЭТРИСКАЯ

спуск

Бычий форум

Лестница

Клад

Большой цирк

авендуг Меркурия

Улица с общественн

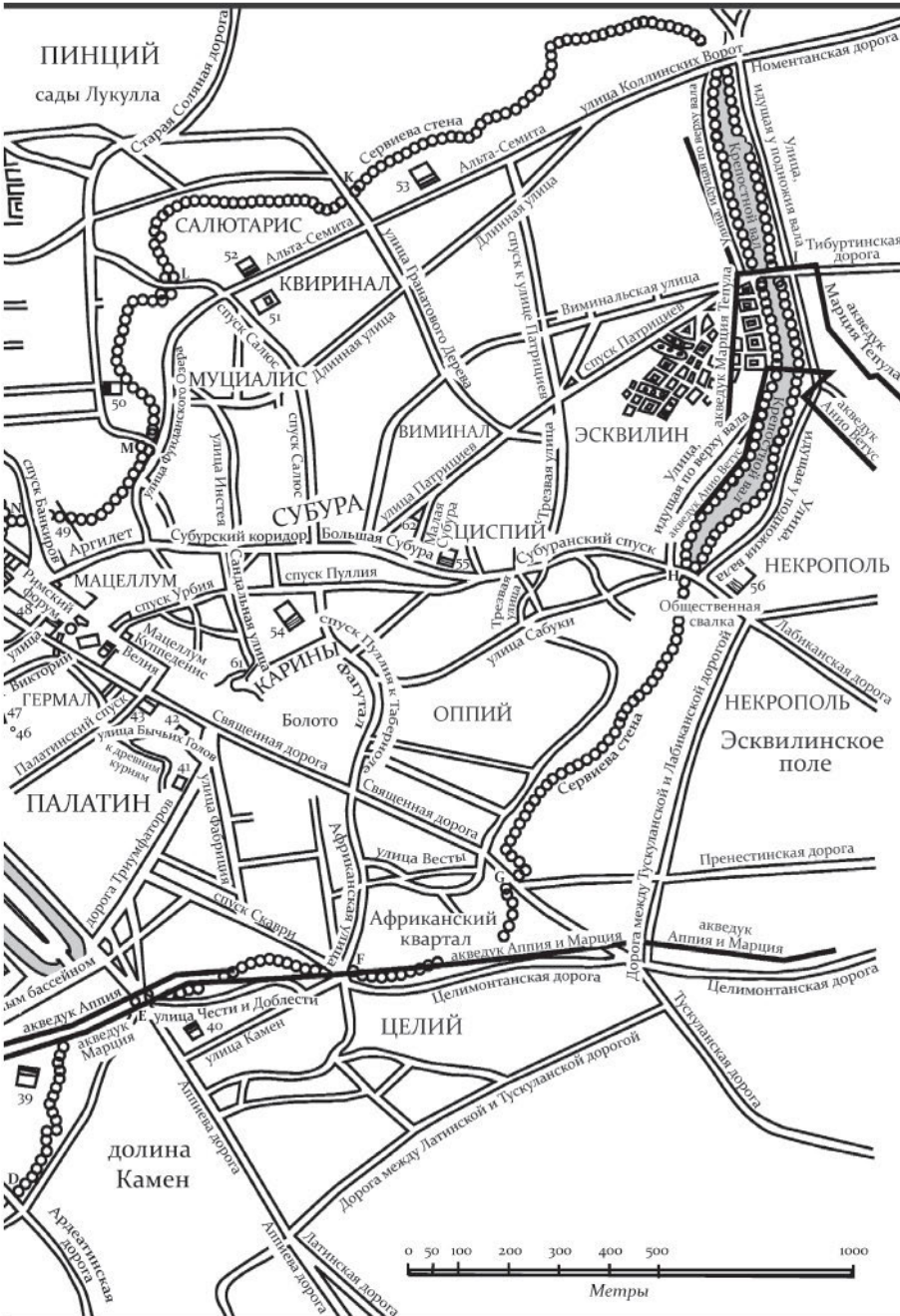
Тенистый холм

Легер

Ланатария

Сервиева стена

Дорога между Остийской
и Ардеатинской дорогий

ПИНЦИЙ
сады Лукулла

САЛЮТАРИС

КВИРИНАЛ

МУЦИАЛИС

ВИМИНАЛ

ЭСКВИЛИН

СУБУРА

ЦИСПИЙ

МАЦЕЛЛУМ

МАЦЕЛЛУМ
Куледегис

ГЕРМАЛ

ПАЛАТИН

КАРИНЫ

ОППИЙ

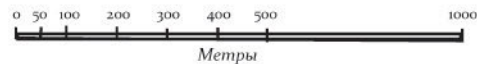
НЕКРОПОЛЬ

НЕКРОПОЛЬ
Эсквилинское поле

Африканский квартал

ЦЕЛИЙ

долина
Камен

ГОД ПЕРВЫЙ

(110 год до н. э.)

КОНСУЛЬСТВО

МАРКА

МИНУЦИЯ

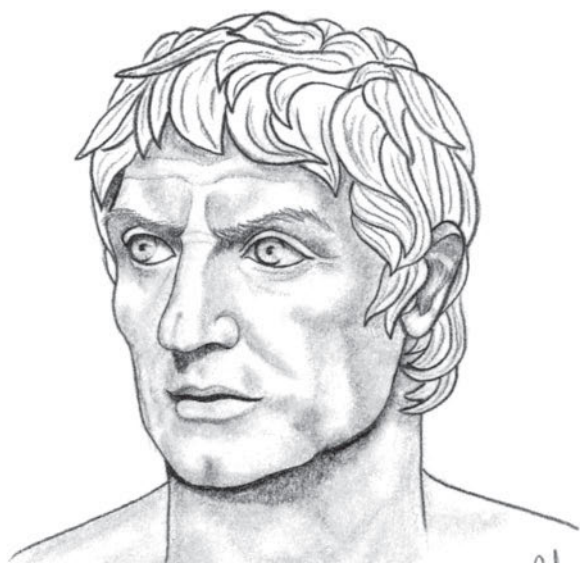
РУФА

И

СПУРИЯ

ПОСТУМИЯ

АЛЬБИНА

LUCIUS CORNELIUS SULLA

C. S.

Гай Юлий Цезарь не был приверженцем ни одного из новоизбранных консулов. Он и его сыновья просто присоединились к процессии, сопровождавшей старшего консула Марка Минуция Руфа, когда колонна поравнялась с дверями их дома.

Оба консула жили на Палатине, причем младший — Спурий Постумий Альбин — в более престижном квартале. Из-за этого он и залез в долги. Об этом толковали в Риме — без особого, впрочем, удивления. Место консула — дорогая вещь.

Денежные долги — неизменные спутники человека, поднимающегося по политической лестнице. Но Гая Юлия Цезаря они не беспокоили. Да и его сыновья вряд ли станут об этом тревожиться.

Да, четыреста лет назад их предок Юлий воссел на консульское — из слоновой кости — курульное кресло. Да, всего четыреста лет назад у их семьи достало для этого денег. Могущество и величие Юлия-предка покрывало его потомков, словно тень. И в этой тени Юлии-потомки жили беспечно, не пополняя фамильной казны и беднея из поколения в поколение. Стать консулом? Невозможно... Претором? Нет средств. Теперь для Юлиев — лишь скромные сенаторские скамьи. Для Юлиев, в чьей семье была и ветвь Цезарей — называли их так за пышные густые волосы...

Поэтому тога, уложенная слугой в изящные складки на левом плече и обернутая вокруг туловища Гая Юлия, — обычного белого цвета. Как и подобает человеку, который не добивается высоких должностей, не жаждет сидеть в кресле из слоновой кости. Только обувь из темно-красной кожи, железное кольцо сенатора на пальце да широкая пурпурная кайма на правом плече по краю туники — вот и все, что отличало его наряд от одежды сыновей.

Секст и Гай, сыновья, — в туниках с тонкой пурпурной полоской, что приличествует юношам из сословия всадников. Простые сандалии и перстни с печатками.

Солнце еще не взошло, а день уже начался — с краткой молитвы и подношения на алтаре в атрии соленых хлебцев богам. Позже раб у дверей возвестил, что видит огни, потоком плывущие вниз с вершины холма.

Был шепотком упомянут и Янус Патульций, разрешающий без опаски держать открытыми двери. Отец с сыновьями вышли на узкую мостовую и здесь разошлись. Юноши — в голову процессии,

где перед новым старшим консулом ступали шеренги всадников. Гай Юлий Цезарь выждал, когда Марк Минуций Руф прошествует мимо, окруженный ликторами. Следом шли сенаторы, и он прикинул к ним.

Марция затворила дверь, заручившись поддержкой Януса Ключивия, что позволяет замыкаться дверным засовам. Сонных рабов разогнала — есть у них и другие обязанности, кроме как торчать в передней.

Мужчины ушли, теперь она может устроить собственное шествие. Но где ее дочери? Ответом послужил залиvistый смех, донесшийся из маленького зала, который девочки называли своим владением. Там они завтракали хлебом и медом. Какие чудесные у нее дочери!

Девочки в семье Юлиев были, по общему мнению, настоящим сокровищем, ибо обладали особым даром: любого мужчину могли сделать счастливым. Обе Юлии обещали соблюсти семейную традицию.

Юлии Старшей, или просто Юлии, почти исполнилось восемнадцать. Высокая, стройная, гордая. Глаза серые, волосы, как потемневшая бронза, стянуты на затылке узлом. Взирала она на мир с достоинством, но не заносчиво. Спокойна и умна была Юлия Старшая.

Юлия Младшая, или Юлилла, шестнадцати с половиной лет, — последний ребенок в семье. Родилась неожиданной и нежеланной. Но чуть подросла — и все полюбили ее за ласковость, нежную игривость и веселый, беспечный нрав. Вся она излучала янтарный теплый свет. Кожа, волосы, глаза — все, казалось, источало нежный аромат меда. Это она смеялась сейчас.

— Готовы ли вы? — спросила мать.

Дочери сунули в рот остатки липкого хлеба, быстро обмакнули пальцы в чашу с водой и, обтерев их, направились следом за матерью.

— Сегодня холодно, — сказала Марция и протянула дочерям теплые шерстяные плащи. Тяжелые и некрасивые.

Девушки разочарованно — протестовать бесполезно — позволили укутать себя. Сразу стали похожи на бабочек в коконах, только лица открыты. Марция вывела из дому дочерей в сопровождении небольшого эскорта слуг.

Небогатый дом Юлиев, расположенный в нижней части Палатина, на Гермале, достался Гаю в наследство, как младшему сыну, от его отца Секста, а еще пятьсот югеров земли между Бовиллами и Арицией, что позволяло Гаю и его семье занять место в сенате.

У Секста было двое сыновей, и он попытался оказать поддержку обоим. Тут была и сентиментальность племенного производителя — жаль было оставлять младшего ни с чем. Поэтому семейное достояние было разделено между старшим сыном Секстом и младшим — Гаем. Отец надеялся, что оба сына поднимутся по *cursus honorum*: один станет претором, другой — консулом.

Сын Секст не был столь сентиментальным, как Секст-отец. Еще чего! Со своей женой Попиллией он родил трех парней — вот нестерпимая обуза для простой сенаторской семьи! Проявив необходимую твердость, он отдал своего старшего сына в усыновление бездетному Квинту Лутацию Катугу. Старый Катул, фантастически богатый человек, был рад столь удачному приобретению, за большие деньги купил он ребенка — юного патриция, умного и весьма приятного на вид.

На эти деньги Секст-отец приобрел земли в городе и за городом. Теперь его сыновья (те, что остались) обеспечены неплохо и даже имеют возможность — коль скоро Фортуна явит им благосклонность — стать большими людьми в магистрате.

Предприимчивый Секст-сын единственный избежал фамильного несчастья Юлиев Цезарей. А несчастье это заключалось в том, что слишком много наследников рождалось у них. Но не могли Юлии отдавать мальчиков в усыновление и проследить, чтобы оставшиеся дети вступали в выгодные браки. И дробилось семейное достояние, оскудевало из поколения в поколение, а ведь были еще и дочери, нуждающиеся в приданом... Вот так Юлии и расточали богатство — в прошлом весьма внушительное.

Муж Марции был истинным Юлием Цезарем, гордившимся сыновьями и любившим дочерей своих больше, чем подобает римлянину. Однако придется ему старшего сына отдать в усыновление, дочерей просватать за богатых людей, а младшему найти богатую невесту. Только деньги могут помочь сделать политическую карьеру. А кровь патриция давно уже превратилась в помеху...

Неприветлив был первый день нового года. Сеял изморосью холодный ветер, скользил под ногами мокрый булыжник мостовой. Смердели в канавах раскисшие отбросы. Тучи сделали мучительно

долгим и без того поздний рассвет. В этот первый в году праздник простой люд предпочел остаться за закрытыми дверями. На своих соломенных матрасах они играли в вечную игру — «потремся друг о друга».

Случись сегодня хорошая погода — и улицы были бы переполнены. Народ, любопытствуя, перетекал бы с места на место. Что делается на Капитолии? Что творится на Форуме? И слугам Марции пришлось бы расталкивать зевак, чтобы расчистить дорогу хозяйкам.

Дом Гая Юлия стоял в переулке, который обрывался у спуска Виктории, в двух шагах от Porta Ромулана — старинных ворот в древних стенах Палатина, сложенных самим Ромулом. Шесть прошедших веков сильно все изменили: столетия покрыли каменные плиты мхом и инициалами путешественников. От спуска направо и вверх — наивысшее место на Гермале, небольшой пустырь, откуда вся панорама Форума открыта для взора. Женщинам понадобилось всего пять минут, чтобы дойти до него. Двенадцать лет назад тут стоял дом, один из прекраснейших в Риме, — дом Флакков. Ныне разве что случайный камень в траве мог напомнить о былом.

Рабы расставили складные стулья, и Марция с дочерьми смогли с удобством обозреть и Форум, и Капитолий, и склоны Субуры, кишашие возбужденными людьми. А вдали, к северу, — подступающие к городу холмы.

— Вы слышали? — спросила Цецилия, жена банкира Тита Помпония, живущая по соседству с Цезарями. Со своею теткой Пилией она уселась рядом, бережно поддерживая живот. Она была беременна.

— Что-то случилось? — откликнулась Марция, чуть наклонившись.

— Консулы, авгуры и жрецы, только чтобы успеть вовремя, начали церемонию сразу после полуночи...

— Они всегда поступают так, — оборвала ее Марция. — Ведь если они допустят ошибку, им придется начинать все сначала.

— Не такая уж я невежда, чтобы не знать этого. — Цецилия была раздражена. Ее поучает дочь какого-то претора! — Дело не в ошибке — вряд ли они допустят ее. Но нынче все складывается как-то... неудачно. Ауспиции предсказывают недоброе. Молния била справа четырежды! Сова авгуров разухалась, словно ее убивают... Да и погода... Год явно будет нехорош. От консулов, верно, также не придется ждать ничего хорошего.

— По-моему, это очевидно и без совиных подсказок, — произнесла Марция сдержанно. Она хорошо помнила, что ее отец не дождал до консульских привилегий, но помнила также, что именно он, в должности praetor urbanus, городского претора, построил большой акведук и привел в Рим свежую, чистую питьевую воду. И это деяние создало ему прочную славу. — Выбирать-то было не из кого, — продолжила она. — Да и выборщики подвели. Может, Марк Минуций Руф еще ничего, но Спурий Постумий Альбин... Ничтожный был выбор.

— Как? — удивилась недалекая Цецилия.

— Постумии Альбины ни на что не годятся, — пояснила Марция, отыскивая взглядом своих дочерей.

Те перенесли свои стулья поближе к подружкам — четырем девушкам из рода Клавдия Пульхра. Ох уж эти Пульхры! Взбалмошная семейка. Однако девушки были знакомы давно — у дома Флакков собирались они в детстве по утрам, перед тем как идти в школу. Не запретишь же им общаться — да и к чему? Клавдии Пульхры — род почти столь же древний, что и Юлии Цезари. Кроме того, постоянно воюет с противниками старых благородных родов. Как и у Юлиев Цезарей, детей у них было много, а деньги и земли иссякали... Однако куда же глядят их матери? Девчонки совершенно без присмотра! Ах! Матери разговаривают с Суллой... Безобразие!

— Девочки, вернитесь немедленно! — строгим голосом велела Марция.

— Неужели нам нельзя оставаться с подругами? — откликнулась жалобно Юлилла.

— Нельзя! — Тон Марции не допускал возражений.

Внизу, на Форуме, две длинные процессии, похожие на огромных извивающихся крокодилов: одна — идущая от дома Марка Минуция Руфа, другая — от дома Спурия Постумия Альбина, — встретились и слились в одну.

Первыми шли всадники — человек семьсот. Их было бы более, если бы не погода: хотя солнце взошло давно, светлее было ненамного и дождь накрапывал все сильнее. Первые шеренги всадников уже поднимались по Капитолийскому холму — там на первом повороте серпантинной дороги их встречали жрецы и забойщики скота с двумя превосходными белыми быками. Веревка, за которую их вели, блестела и переливалась, рога были вызолочены

и сверкали, на шеях гроздьями висели цветочные гирлянды — по случаю праздника.

Следом за всадниками — двадцать четыре ликтора, консульский эскорт. Потом — сами консулы и сенаторы. Бордовые полосы на тогах — члены магистрата. Прочие сенаторы — сплошь белые тоги. В хвосте колонны — случайные зеваки, клиенты консулов, приезжие... всякий сброд, не имеющий — если взглянуть строго — права входить в эту процессию.

«Красиво», — подумала Марция. Тысячеглавая толпа неспешно двигалась к храму Юпитера Наилучшего Величайшего, на самую высокую вершину города.

Греки строили свои храмы прямо на земле. Римляне же возводили сначала высокие платформы с длинными рядами ступеней. И ступеней, которые вели к храму Юпитера Всеблагого Всесильного, было действительно много.

«Красиво», — снова подумала Марция, когда жертвенные животные и храмовые служители присоединились к процессии и дальше восходили вместе до небольшой площади около храма. На ней разместиться могли лишь избранные. Среди них находились сейчас ее муж и сыновья — люди, принадлежащие к правящему классу величайшего города на земле.

Где-то в этой толпе находился и Гай Марий. Бывший претор. Это его положение подчеркивалось красными сандалиями и *toga praetexta* — тогой «бывшего». Много ли радости в этих знаках отличия? Они недостаточно хороши. Пять лет назад Марий стал претором и уже два года спустя мог бы стать и консулом... Мог бы? Никогда.

Почему?

Потому что он недостаточно хорош. Резон исчерпывающий. Кто-нибудь когда-нибудь слышал что-нибудь о семье Мариев?

Никто не слышал.

Гай Марий начал свой путь в глуши — путь обычного военного. Про таких говорят «деревенщина». В минуту опасности или душевного возбуждения провинциальный говор изобличал его среди натуральных латинян.

Не важно, что он мог купить и продать часть сената. Не важно, что на войне он стоил поболее всех сенаторов, вместе взятых. Ценилась родословная, предки.

Кровь — вот что важно. А она была недостаточно хороша.

Родился Гай в Арпине. От Рима недалеко, но слишком, слишком близко от границ между Лацием и Самнием. Жители этих мест вызывали сомнения — и не без оснований — по поводу своей лояльности. Самниты среди италийских племен считались всегда серьезными и злейшими врагами Рима. Лишь семьдесят восемь лет назад жители Арпина стали истинными гражданами Рима — совсем недавно. Посему территория эта еще не обрела муниципального статуса.

Но прекрасен этот край. Арпин к самым горам Апеннинским приколот брошью, словно на грудь знатной красавицы. Нарядны сады по берегам Лириса и Мелфы. Гроздья винограда тяжелы, наполненные солнечным соком, — вино здесь лучших сортов. Урожай щедр. Овечья шерсть нежна и тонка. Зима падит, и лето не жарко. Вода изобилует рыбой. Леса словно специально росли для постройки домов и кораблей — всё звонкие сосны да дубы, под сенью которых пасутся по осени свиньи, которые потом станут колбасой и нежнейшей ветчиной, столь любимыми благородными жителями Рима.

Спокойный, чуть сонный зеленый мир.

Уже не первое столетие жила семья Гая Мария в Арпине. Римским своим происхождением гордились они чрезвычайно. Разве Марий — вольское имя? Разве самнитское? У осков, правда, встречается оно, но нет: эти Марии — латиняне.

И он, Гай Марий, не хуже римских нобилей, что с таким удальством унижают его. Он лучше, много лучше, и чувствует это.

Подобные мысли навязчивы и беспокойны. Они, словно незваные гости, презревшие приличия, не уходят. Давно, очень давно нагрянули они к нему. А время убывало текущей водой, обмелели мечты, и на дне пересохшего ручья обнажилась вся тщетность надежд. Было от чего прийти в отчаяние. Но он был крепок и упрям — как и в молодости.

«Странно устроен мир! — думал Гай Марий, наблюдая застывшие лица окружавших его людей, — лица, размытые слякотью ненастного дня. — Нет среди них ни Тиберия или Гая Семпрония

Гракха, ни Марка Эмилия Сквавра, ни Публия Рутилия Руфа. Кучка ничтожных! Как надменно смотрят они на меня. Воображают, что я ни на что не годный выскочка, лишь потому, что кровь в их жилах чище. Каждый из них уверен: подвернись ему случай — и он сможет занять важнейший в государстве пост и называться Первым Человеком в Риме. Как Сципион Африканский, как Эмилий Павел, как Сципион Эмилиан, как десятки других».

Первый Человек в Риме считался первым среди равных — людей с одинаковыми возможностями. Это больше чем царь, больше чем деспот. Царь опирается на происхождение, деспот — на меч. Первый же Человек, кроме силы и происхождения, должен быть наделен еще и умом. Соперники ждут законного повода убрать его с дороги, значит их нужно укротить, подчинить, купить — словом, сделать союзниками.

Первый — больше чем консул. Два консула сменяются каждый год. Много их было, много их будет. Но за всю историю Республики лишь несколько человек могли называться Первыми.

Теперь в Риме нет такого человека. Давно уже нет — целых девятнадцать лет, с тех пор как умер Сципион Эмилиан. Почти добрался до этой вершины Марк Эмилий Сквавр. Но не хватило ему некоего ценного качества. Сплава силы, власти и славы, того, что римляне зовут *auctoritas*. Однако — да будет он здрав!

Толпа колыхнулась, и легкий шепот пробежал по ней. Марк Минуций Руф приступил к обряду. Но вышла досадная заминка: бык, назначенный на заклание Великому Богу, не стал есть корма со специальными снадобьями. Он пыхтел, мотал головой и рвался прочь.

Все припомнили и другие дурные предзнаменования этого дня. «Не жди теперь хорошего года», — шептали в толпе. Обнаженный по пояс жрец с молотом не стал дожидаться, пока животное поднимет голову к небесам, а потом опустит ее к земле. Позже можно будет сказать, что оно сделало это десятков раз, борясь за свою жизнь. Молниеносный взмах молота, глухой удар — и бык рухнул на вымощенную каменными плитами площадку. Другой жрец опустил обоюдоострый топор на шею животного — камни стали багряными. Жрецы наполняли чаши кровью, а она все текла и текла, стекала с плит... Земля, пропитанная дождем, почти не поглощала ее.